

Хуан Чжиань без колебаний ответил:

— Хорошо, когда он получит зарплату в следующем месяце, пусть угостит вас ужином. Мы пойдём в хорошее место. Ладно, не буду вас задерживать, пока. Удачи!

— Пока.

Изначально Цзин Цичэнь не собирался спрашивать Янь Сюя, кто этот его друг, но в конце концов не удержался и спросил:

— Твой друг? Почему я никогда о нём не слышал?

Янь Сюй объяснил:

— Мы познакомились в детском доме, много лет назад, с самого детства. Просто после взросления оказались в разных городах. У него сейчас проблемы в личной жизни, да и с работой не всё гладко, вот он и решил приехать, чтобы поговорить.

Однако Янь Сюй не стал вдаваться в подробности, так как нужно было заботиться о Дань-Дане и Сяо Дуньэре, и он не смог поехать встречать друга. Он отправил ему свою локацию, чтобы тот сам доехал на такси.

Планы Цзин Цичэня переночевать у Янь Сюя рухнули.

— Вечером поужинаем вместе? — спросил Янь Сюй у Цзин Цичэня. — Хотя, то, что мы едим, тебе вряд ли подойдёт...

Можно ли назвать Цзин Цичэня привередливым в еде? Скорее, он был чрезвычайно привередливым.

— Не буду вам мешать, у меня вечером есть дела, — с улыбкой ответил Цзин Цичэнь.

Он был невероятно красив, и даже Янь Сюй, несмотря на то, что видел его часто, иногда не мог устоять перед его обаянием.

Янь Сюй махнул рукой:

— Ничего страшного, как это можно назвать помехой? Я уже говорил ему, что у меня есть замечательный сосед, и хотел вас познакомить. Но если у вас дела, конечно, лучше заняться ими.

Цзин Цичэнь: [...]

Сказанное — как вылитая вода, назад не возьмёшь.

На самом деле, когда Дань-Дань ещё не вылупился, с ним было проще. Теперь же, став человеком, он мог есть и играть с вещами, которые раньше были недоступны. Хотя Дань-Дань был немного шаловливым, он никогда не создавал проблем и не требовал покупки чего-то нового.

Даже обычная резиновая уточка могла занять его на целый день.

Хотя иногда это могло привести к повреждению мебели...

Цзин Цичэнь ушёл в шесть вечера, и Янь Сюй не пошёл за продуктами. Он заказал еду онлайн, что было дороже, чем на рынке, но зато быстро. Кулинарные навыки Янь Сюя были на уровне «съедобно», но достаточно, чтобы утолить голод.

Поскольку это был редкий случай встречи с другом, Янь Сюй постарался на славу: кисло-сладкая рыба, картофель с перцем, жареные рёбрышки, фасоль с зеленью и суп из помидоров и яиц. Хотя это были простые домашние блюда, к восьми вечера всё было готово.

Аромат еды наполнил дом, и Дань-Дань, играя с Сяо Дуньэром, пускал слюни.

Сяо Дуньэр, пользуясь тем, что он старший, пока Янь Сюй был на кухне, украл несколько рёбрышек и поделился с Дань-Данем. Кости... они аккуратно завернули в салфетки и выбросили в мусорное ведро.

Только у Дань-Дана во рту осталась одна кость, так как на ней ещё было немного мяса, и он не хотел её выплёвывать.

— Рыбка, — прошептал Дань-Дань Сяо Дуньэру. — Давай съедим рыбку.

Сяо Дуньэр тоже не мог устоять перед большой миской кисло-сладкой рыбы, и, поддавшись уговорам, они отправились на кухню. Дань-Дань стоял на страже, наблюдая, не вернётся ли папа, а Сяо Дуньэр быстро наложил в тарелку много рыбы.

Поскольку в доме было двое детей, Янь Сюй купил дорогую рыбу, избегая сортов с множеством костей.

Когда Янь Сюй вернулся домой после покупки зелёного лука, он обнаружил, что кисло-сладкой рыбы стало вдвое меньше, а рёбрышки, которые раньше лежали горкой, теперь едва заполняли миску. Даже слепой мог бы заметить, что Дань-Дань и Сяо Дуньэр украдкой поели. Мусорное ведро было переполнено салфетками.

Дань-Дань и Сяо Дуньэр непрерывно икали, а увидев Янь Сюя, стали прикрывать рты руками, словно пытаясь скрыть очевидное.

Но Янь Сюй не стал их ругать, притворившись, что ничего не заметил. Иногда нужно уважать детское самолюбие.

К тому же, было уже поздно, и он сам виноват, что не подумал заранее накормить детей.

Когда Янь Сюй посыпал блюда зелёным луком, в дверь раздался звонок.

Янь Сюй снял фартук и пошёл открывать.

Его тут же крепко обняли, и он едва доставал до уха гостя.

Когда Янь Сюй наконец освободился от этого пропитанного парфюмом объятия, он смог разглядеть гостя. За три года тот изменился до неузнаваемости: волосы стали золотистыми, брови — аккуратными и чёткими, а глаза — яркими благодаря цветным линзам.

Из грубоватого парня, похожего на Янь Сюя, он превратился в настоящего «инфлюенсера».

— Чжан Чжуан? — неуверенно произнёс Янь Сюй.

Лицо гостя сразу изменилось:

— Какие старые времена! Я теперь сменил имя, теперь я Чжан Лэнсюань. Чжан Чжуан — это имя мне больше не подходит.

Чжан Лэнсюань от природы имел острые черты лица, большие глаза с двойными веками и тонкие губы. Нос был немного плоским, но, похоже, он сделал пластическую операцию, и теперь нос стал идеально прямым.

Он выглядел как метис.

Раньше соседки говорили, что у Чжан Чжуана было лицо, которое пугало, но теперь молодые девушки обожали такой тип.

Янь Сюй не стал церемониться с другом:

— Тогда, помнишь, директор детдома давал нам имена, и ты сам выбрал имя «Чжуан».

Чжан Лэнсюань не смутился:

— В те времена мужчины ценились за силу, популярны были актёры-бодибилдеры. Но сейчас всё изменилось. Тогда многие смеялись надо мной, говорили, что я женоподобный. А теперь я везде считаюсь стильным парнем.

— Ладно, хватит, иди ужинать, — с улыбкой сказал Янь Сюй, принимая из рук Чжан Лэнсюаня чемодан и ставя его у входа, пока тот доставал одежду и вещи, которые понадобятся в ближайшие дни.

— Такой роскошный ужин! — воскликнул Чжан Лэнсюань. — Ты слишком гостеприимен! Хотя, надо отдать тебе должное, ты даже научился готовить. Помнишь, как мы вместе ходили на пикники, и ты ни разу не готовил?

Янь Сюй с усмешкой ответил:

— А ты вспомни, как ты умудрился сжечь готовый бульон для горячего горшка.

— Кстати, я тебе говорил, это Сяо Дуньэр, а это Дань-Дань, — Янь Сюй подозвал детей. — Поздоровайтесь с дядей Чжаном.

За месяц Дань-Дань вырос до двухлетнего ребёнка, и теперь его речь не вызывала удивления.

Сяо Дуньэр и Дань-Дань тоненькими голосками произнесли:

— Дядя Чжан.

Чжан Лэнсюань растаял от умиления, прижав руку к сердцу:

— Боже, ты, наверное, каждый день таешь от их милоты?

— Милота? — Янь Сюй, привыкший только к новостям, с недоумением посмотрел на друга. — Что это значит?

Чжан Лэнсюань махнул рукой:

— Ладно, ты с начальной школы отстаёшь от трендов, я не буду тебя винить.

— Давайте, я вам привёз подарки, — сказал Чжан Лэнсюань, хотя подарками были два толстых конверта с деньгами.

Янь Сюй попытался остановить его, но Чжан Лэнсюань уже сунул конверты в руки детям.

— Кстати, я приехал, чтобы рассказать тебе кое-что. После ужина поговорим. Держись, — Чжан Лэнсюань загадочно улыбнулся, взял Дань-Даня и Сяо Дуньэра на руки и направился к

столу.

Дань-Дань попробовал на вкус конверт, но, поняв, что это несъедобно, передал его Сяо Дуньэру.

Чжан Лэнсюань, строго говоря, не был сиротой. Его отдали в детский дом, но родители были живы, просто между ними были непреодолимые разногласия. Каждый месяц они платили детдому, и в те времена, когда система была несовершенна, такие дети не были редкостью.

Так что, хотя у него и были родители, он мало чем отличался от сироты, и страдал от их холодности и жестокости.

— Ты по телефону не объяснил, зачем приехал. Что с работой? — За столом у Янь Сюя не было правила молчать во время еды, и он, накладывая еду Сяо Дуньэру и Дань-Даню, спросил о делах Чжан Лэнсюаня.

Чжан Лэнсюань нахмурился:

— Да всё то же самое. Мои родители вдруг объявились, а я уже взрослый, а они вдруг начали бороться за опеку. Какая-то чушь, кому это нужно?

Янь Сюй и Чжан Лэнсюань дружили давно, несмотря на разные характеры, и поддерживали связь:

— И ты просто сбежал?

<http://bllate.org/book/15574/1386814>